

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Ставропольский Ю.В.

Теория Л.С. Выготского и кросскультурные различия в ингрупповой идентификации (американо-российское исследование)

(Статья профинансирована за счет средств гранта РФГФ «Особенности общения молодежи в социокультурном пространстве Центральной Азии» номер проекта 06-03-91831 а/Г.)

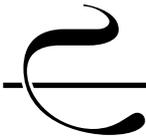
Исследование представляет собой попытку внести вклад в развитие кросскультурной психологии со стороны отечественной психологической науки, поскольку и истоков становления кросскультурной психологии находился выдающийся отечественный психолог и мыслитель Л.С. Выготский. Исследование представляет собой факторный анализ ингрупповой этнокультурной идентичности российских и американских респондентов. За основу для предложенной испытуемым анкеты были взяты опросники Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни) и опросник AIQ-IIIx Aspects Identity Questionnaire (авторы Дж. М. Чик и Л.Р. Тропп). Получены подтверждения принципиальному положению культурно-исторической теории Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического. Установлены межкультурные различия в структуре ингрупповых идентификационных приоритетов российских и американских респондентов.

Ключевые слова: *идентичность, этнокультурный, ингруппа, фактор, вовлечённость, аспект, сравнение.*

Цель исследования

Кросскультурная психология рассматривается за рубежом в качестве четвертой силы в психологии, которой суждено стать ведущей психологической силой в XXI веке. Несмотря на то, что выдающиеся российские психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия во всём мире признаются в качестве основоположников и первопроходцев кросскультурной психологии, в России кросскультурная психология не получила полномасштабного развития. Проведенное нами исследование следует расценивать в качестве попытки внести вклад в развитие кросскультурной психологии со стороны отечественной психологической науки.

Игнорирование кросскультурной перспективы приводит тому, что научное обсуждение проблем идентичности в современных мультикультурных сообществах ограничено конкретной исследовательской проблематикой, не основано

на строгой методологии и не образует логически последовательного и внутренне структурированного научного поля. Научные дискуссии, которые возникают на различных уровнях, связаны либо с социетальными, либо с личностными аспектами проблематики идентичности, и не способствуют интегрированному обобщению имеющегося корпуса исследований.

Исследования культуры и «я»-концепции также значимым образом согласуются с идеей о том, что идентичность – это и личностный, и социальный феномен. Кросскультурные различия – это скорее вопрос степени, чем качества. Кросскультурная перспектива возродила интерес к социальным аспектам «я» и к тому, в какой степени люди определяют себя в смысле своих отношений с другими людьми и с социальными группами. Центральная идея этой перспективы состоит в том, что идентификация – это не просто аффилиация и альянсы между «я» и другими, но предполагаются фундаментальные различия в том, каким способом конструируется «я». Социальное «я» репрезентирует расширение «я»-концепции до чего-то более инклюзивного, нежели индивидуальная личность.

Основной вопрос социальной психологии – это вопрос о том, почему люди общаются друг с другом. Несмотря на долгую историю исследования феномена идентичности, логически последовательная психология идентичности не сложилась.

В связи с этим **целью исследования** является проведение факторного анализа ингрупповой этнокультурной идентификации российских и американских респондентов; определение психологического наполнения факторов, образующих комплекс идентификационных «мы»-аспектов; сопоставление полученных факторов в обеих выборках с целью установления межкультурных сходств и различий в ингрупповой этнокультурной идентификации.

Краткое описание испытуемых.

Эмпирическую базу исследования составили данные серии исследований, проведенных автором в течение 2001–2006 года. Всего нами были опрошены в 2001 году 202 респондента в США в Международном центре научных исследований имени Вудро Вильсона, одним из подразделений которого является Институт перспективных российских исследований имени Дж. Кеннана, (город Вашингтон, округ Колумбия) и в университете штата Мэриленд (город Колледж-Парк, штат Мэриленд). Во второй части нашего исследования, осуществленной в России в 2005 году, были опрошены 244 респондента из числа студентов Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Методы исследования

Методология эмпирического исследования представлена процессом комплексного (последовательного) использования количественных методов: корреляционного, дисперсионного и факторного анализа. Общий план эмпирического исследования согласуется с моделью измеренных этнических коррелятов, принятой в кросскультурной психологии.

За основу для предложенной испытуемым анкеты были взяты опросники Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни) и опросник AIQ-IIIx Aspects Identity Questionnaire (авторы Дж. М. Чик и Л. Р. Тропп). Полученные методом анкетного опроса данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы SPSS for MS WINDOWS Release 6.1. Определялись значения средних величин и стандартных отклонений для переменных из этих опросников. Нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В SPSS for MS WINDOWS Release 6.1 предусмотрена проверка теста Бартлетта (Bartlett) о сферичности распределения данных. Проверка теста Бартлетта подтвердила многомерную нормальность распределения полученных нами данных. Для повышения интерпретируемости факторов, методом варимаксного вращения (нормализация по Кайзеру) была улучшена контрастность матрицы факторных нагрузок.

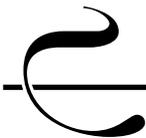
Результаты, выводы и перспективы

Начиная с теории Л.С. Выготского об опосредованном действии [1; 15 – 17], среди приверженцев разных концепций отмечается возврат интереса к исследованиям социализации [8]. С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского, «я» – лингвистический процесс, это всегда деятельность [8]. Деятельностный (функциональный) подход к развитию «я» обладает преимуществом, а именно: процессы социализации локализуются в формах и функциях повседневного дискурса. С этой точки зрения, «я» предстает диалогическим процессом, постоянной основой которого оказывается межличностный интерактивный диалог с самим собой и с другими. Этот диалогический процесс является рефлексивным – он совершается в переходах от настоящего (субъективное «я») к прошлому (объективное «я») и к будущему («ты»).

В структуре переменных, образующих ингрупповую этнокультурную идентичность американских и российских респондентов, присутствуют, (1) во-первых, активные действия; (2) во-вторых, эмоции и субъективные переживания, связанные с принадлежностью к этнокультурной ингруппе.

С целью исследования структуры «мы»-аспектов ингрупповой идентичности американских и российских респондентов, нами был применён метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В обеих группах респондентов выявлены два психологических фактора.

Фактор 1 коррелирует прежде всего с психологическими переживаниями индивида по поводу своей этнокультурной принадлежности, вызванной *когнитивной* идентификацией с ингруппой, и не связан, либо весьма слабо связан с совершением конкретных действий, необходимо вытекающих из идентификации с ингруппой, а также с совершением таких действий, связанных с осознанием собственной принадлежности к ингруппе, которые потенциально способны отразиться на судьбе человека, идентифицирующего себя с ингруппой. Поэтому мы назвали фактор 1 фактором «внутриличностной вовлеченности в ингруппу».

Переменные, образующие структуру фактора 2, выражают *объективное «мы»*, поэтому мы назвали фактор 2 эксплицитной личностной идентичности американских респондентов фактором «межличностной вовлеченности в ингруппу».

По мере развития этнокультурной идентичности от стадии иммерсии к стадии синергетического присоединения и принятия культур через стадию интроспекции [3], то есть от статуса предрешенной идентичности к статусу достигнутой идентичности (в терминологии статусного подхода Дж. Марсии), значение фактора 2 «межличностная вовлеченность в ингруппу» для личности будет ослабевать, поскольку такой статусный подход и развитие личности в указанном направлении сопровождается уменьшением зависимости личности от ингруппы и возрастанием личностной автономии, в противовес личностной гетерономии, следовательно, значение фактора 1 «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» для личности, по мере совершения процесса становления автономной идентичности, будет возрастать.

На стадии синергетического принятия культур, личность сохраняет лояльность и преданность по отношению к этнокультурной ингруппе, но не считает обязательным для себя следовать нормам и ценностям этнокультурной ингруппы. Определяющим мотивом поведения человека на стадии синергетического принятия культур становится признание приоритета уникальной индивидуальности каждого человека и автономности человеческой личности. В результате этого процесса, влияние на личность фактора 2 «межличностная вовлеченность в ингруппу», предполагающего открытие личностью новых альтернатив идентичности, будет ослабевать по мере приближения к состоянию статуса достигнутой идентичности.

В американской выборке фактор 1 «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» коррелирует с теми переменными, которые отражают не эмоционально-аффективный аспект имплицитной групповой идентификации, а *когнитивный аспект*. Мы предполагаем, что в американской выборке когнитивное осознание менее способствует переживанию положительных эмоций в отношении этнокультурной ингруппы, нежели степень близости и тесных связей с ингруппой. Иными словами, позитивные эмоции и позитивное самоотношение в связи с ингрупповой самоидентификацией возникают в американской выборке на основе тесных отношений с другими представителями ингруппы, а не на основе рефлексии по поводу этих отношений. Когнитивное осмысление этногрупповой самоидентификации может в половине случаев вызывать позитивные эмоции, а в половине случаев – негативные эмоции.

Активное *со-участие* в ингруппе сильнее всего связано с субъективным переживанием привязанности и с объективным поддержанием культурных традиций ингруппы. Иными словами, культурное «со-участие», причастность к ингруппе и вовлеченность в нее, неразделимы с внутриличностным переживанием «со-участия» причастности к ингруппе и к вовлеченности в неё. Внутриличностное и межличностное «со-участие», причастность и вовлеченность в ингруппу, тесно между

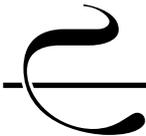

собой связаны, тем самым подтверждается принципиальное положение культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического [2].

Активная вовлеченность в ингруппу, проявляющаяся в конкретных действиях, направленных на сближение с членами ингруппы, сопровождается активизацией эмоциональной и когнитивной сфер личности. Идентификация с ингруппой представляется такому человеку, который тесно вовлечен в активную деятельность, обусловленную этой идентификацией, естественной и само собой разумеющейся, не предполагающей иных альтернатив. Соответственно, минимальным становится обдумывание личностью альтернатив самоидентификации, сознание такой личности менее развито. Скорее всего, речь идет о статусе предрешенной идентичности (Дж. Марсиа) или о стадии иммерсии (Д. Эткинсон, Дж. Мортен, Д. Сью), для которой характерно сильное чувство гордости от идентификации себя с ингруппой. Личностная идентичность и автономность оказываются затемнены групповой самоидентификацией. Нашими данными подтверждается утверждение Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое возникает из интерпсихического.

Высокий уровень позитивного самоотношения вследствие осознания собственной этнокультурной принадлежности характерен не только для специфических недоминантных этнокультурных ингрупп в американском обществе (афроамериканцы, латиноамериканцы, американцы азиатского происхождения), но и для представителей достаточно аморфной и в определенной степени искусственно образованной неспецифической недоминантной ингруппы американских респондентов потомков смешанных браков. Высокий уровень позитивного самоотношения, производный от осознания культурной и этнорасовой принадлежности среди последних можно объяснить осознанием уникальности собственной гетерогенности и своей нетождественности другим этнокультурным группам американского общества. Требуется признать, что для (внутриличностной) самоидентификации приоритетное значение имеет *осознание собственной культурной и этнорасовой специфичности, осознание своей особенности – это и есть самоидентификация.*

Осознание собственной культурной и этнической идентичности сопровождается позитивным самоотношением независимо от того, с какой именно этнокультурной группой идентифицирует себя личность – доминантной или недоминантной, конкретной или условной. Неточным было бы сказать, что осознание идентичности влечёт за собой позитивное самоотношение. Точнее сказать, что *осознание своей культурной и этнической принадлежности на когнитивном уровне проявляется как позитивное самоотношение на эмоциональном уровне.* Самоидентификация переживается позитивно, даже если это самоидентификация с недоминантной культурой. Отсутствие самоидентификации на когнитивном уровне (маргинальная или диффузная идентичность) переживается негативно на эмоциональном уровне. Единый феномен самоидентификации имеет два нерасторжимых аспекта: когнитивный (осознание культурной и этнической принадлежности) и эмоционально-аффективный (позитивное самоотношение).

Отсутствие корреляций между этнокультурной принадлежностью к определенной ингруппе и позитивным самоотношением заставляет предположить, что этнорасовая принадлежность и позитивное самоощущение, которое продуцируется вследствие ее осознания – это не две особые переменные, а две грани одной и той же переменной: с одной стороны, идентичность и этногрупповая принадлежность как феномен, а с другой стороны – феноменальное осознание идентичности и ингрупповой принадлежности и неотделимое от него позитивное самоотношение.

Большая степень осознанности этнокультурной идентичности на групповом уровне среди представителей конкретных этнокультурных групп, не идентифицирующих себя с доминантной культурой, объясняется степенью дистанции от доминантной культуры и герметичностью либо транспарентностью ингрупповых границ. Очевидно, что, *с увеличением межкультурной дистанции, усиливается действие механизма, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения* [11]. По этой причине, наиболее категоричные ответы были получены от респондентов, принадлежащих к этнокультурной группе, наиболее контрастной по сравнению с доминантной культурой, где межкультурная дистанция между этой ингруппой и доминантной культурой наибольшая, соответственно, процесс социального сравнения действует наиболее интенсивно и усиливает осознание групповой идентичности и вовлеченность в ингруппу на межличностном уровне. Речь идет прежде всего об афроамериканцах.

Однако, по причине того, что за истекшие несколько столетий собственно африканская культура была во многом утрата самими афроамериканцами, афроамериканская этнокультурная ингруппа во многом диффузна. Поэтому наиболее уверенные и максимальные показатели осознанности групповой идентичности и межличностной вовлеченности в ингруппу были нами получены у представителей этнокультурной ингруппы с наиболее герметичными ингрупповыми границами – у латиноамериканцев.

Промежуточную позицию между этими двумя ингруппами – афроамериканской и латиноамериканской – занимает ингруппа, межкультурная дистанция которой от доминантной культуры не столь значительна, как у афроамериканцев, а герметичность ингрупповых границ не столь непроницаема, как у латиноамериканцев – это американцы азиатского происхождения.

Наибольшую внутриличностную вовлеченность в ингруппу можно констатировать у представителей неспецифических этнокультурных ингрупп американского общества, не принадлежащих к доминантной белой культуре: среди латиноамериканцев доля респондентов, при ответе на соответствующие утверждения, выбравших варианты альтернатив «согласен» и «абсолютно согласен», то есть констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу, высокая и стабильная (от 79,0% до 100,0%), так же как и среди афроамериканцев (от 84,5% до 96,6%). Среди американцев азиатского происхождения доля респондентов, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу по различным аспектам данного психологического фактора

идентичности находится в пределах от 72,4% до 89,7% – достаточно высокая и так же стабильная.

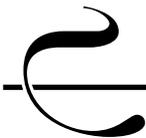
Доля респондентов, представляющих неспецифическую недоминантную этнокультурную ингруппу американцев потомков смешанных браков нестабильна и варьирует в широком диапазоне от 29,2% до 95,8% респондентов, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в ингруппу. Разброс в ответах респондентов данной группы позволяет уверенно утверждать неопределенный и неустойчивый характер внутриличностной вовлеченности в ингруппу американских респондентов потомков смешанных браков.

Доля представителей доминантной культуры, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в доминантную этнокультурную ингруппу, близка к умеренно-средней и находится в пределах от 53,8% до 83,3% по различным аспектам данного психологического фактора. Мы можем утверждать, что внутригрупповая идентичность белых американцев стабильно-диффузна. Стабильно диффузная идентичность, возможно, играет негативную роль для культурного самосознания белых американцев, однако, в целом для американского общества стабильно диффузная личностная идентичность доминантного большинства позитивна, поскольку создает психологическое пространство для сохранения этнокультурной идентичности представителей недоминантных этнокультурных групп и, во-первых, обеспечивает поддержание единства и целостности общества за счет расширения этнокультурного пространства, а, во-вторых, образует важное качество этого этнокультурного пространства – толерантность к иным культурам. Можно дискутировать по поводу степени этнокультурной толерантности в США к недоминантным культурам, однако, следует признать сам факт того, что белая европейская культура, будучи доминантной, одновременно обеспечивает известную меру толерантности к иным этнорасовым культурам.

Несколько снижаются доли респондентов, констатировавших собственную межличностную вовлеченность в ингруппу. Среди латиноамериканцев межличностная вовлеченность охватывает по любым аспектам этого психологического фактора более половины респондентов и находится в пределах от 52,7% до 94,7%, то есть межличностная вовлеченность латиноамериканцев в ингруппу характеризуется категоричностью.

Среди американцев азиатского происхождения доля респондентов, констатировавших свою межличностную вовлеченность в ингруппу по различным аспектам данного психологического фактора находится в пределах от 55,2% до 89,7%, то есть также является высокой и довольно стабильной. Однако, межличностная вовлеченность и, соответственно, ингрупповая идентичность американцев азиатского происхождения менее категорична – не более 90,0%, в отличие от латиноамериканцев. Возможно, это отличие объясняется большей диффузностью ингрупповых границ по сравнению с латиноамериканскими респондентами.

Среди афроамериканцев соответствующая доля респондентов несколько ниже, чем в первых двух у упомянутых группах, и находится в пределах от 48,3%

до 86,2%, т.е. незначительно опускается ниже пятидесятого процентиля. Причина снижения межличностной вовлеченности в ингруппу по сравнению с внутриличностной вовлеченностью в ингруппу тех же афроамериканцев – в относительной диффузности и транспарентности ингрупповых границ афроамериканской этнокультурной ингруппы.

Культура афроамериканцев в современной Америке – до известной степени понятие у словное и искусственное, существующее скорее для самопротивопоставления белой культуре, но не аутентично африканское. Наибольшая среди всех рассмотренных нами специфических этнокультурных групп США дистанцированность от доминантной белой культуры обеспечивает достаточно высокие показатели межличностной вовлеченности афроамериканцев в ингруппу, но эта ингруппа не имеет четких границ.

Следующая недоминантная ингруппа, не обладающая чёткими границами – американцы от смешанных браков. В этой искусственной этнокультурной ингруппе доля тех респондентов, которые констатировали свою межличностную вовлеченность в ингруппу, нестабильна и по разным аспектам данного психологического фактора варьирует в пределах от 16,7% до 91,7%. Можно обоснованно утверждать, что данная ингруппа нестабильна и по сути – не реальная, а искусственная (неспецифическая) в силу большой этнорасовой гетерогенности своего состава.

Большая этнокультурная гетерогенность характерна также для белых американцев. В нашем исследовании доминантная этнокультурная ингруппа включает в себя не только белых американцев, родившихся в разных штатах США от Мэриленда до Аляски и Гавайских островов, но также выходцев из таких культурно гетерогенных стран, как Италия, Великобритания, Канада, Македония и Россия. Разнородность и многочисленность этнокультурных элементов, объединяемых под общим именем доминантной (белой) культуры США способствует диффузности данной ингруппы и уменьшению осознанности этнокультурной принадлежности. Доля белых американцев, констатировавших собственную межличностную вовлеченность в ингруппу по различным аспектам данного психологического фактора – средняя и ниже средней (от 27,7% до 64,6%), то есть групповая идентичность белых американцев, участвовавших в нашем исследовании, мало осознанна и эта неосознанность имеет стабильный характер.

Для современного американского общества и этнокультурной идентичности американцев имплицитно характерны у меренный уровень внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,4076) и средний уровень межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,6128).

Средние значения по обоим факторам для американской выборки примерно равные, а конкретные межкультурные различия в степени ингрупповой идентичности американцев объясняются, во-первых, различиями в транспарентности/герметичности границ ингрупп (транспарентность сильнее в доминантной культуре и у афроамериканцев); во-вторых, величиной межкультурной дистанции, активизирующей процесс межкультурного межгруппового сравнения, протекание которого объясняется законом Г. Тэджфела [9].

Иными словами, современное американское общество в значительной степени атомизировано и индивидуализировано в этнокультурном аспекте. Однако, раздельное существование систем этнокультурной диверсификации и дивергенции, с одной стороны, и социально-экономической дифференциации, с другой стороны, обеспечивает поддержание устойчивой стабильности американского социума.

Отсутствие чёткой и осознанной ингрупповой вовлеченности у носителей доминантной культуры создаёт определенные предпосылки для развития этнокультурной ситуации в США по пути интеграции [4; 201 – 234]. Существующая в США стратегия аккультурации – ассимиляция – имеет шансы сохраниться на неопределенно долгое время, поскольку высокая внутриличностная и межличностная вовлеченность, характерная для неспецифических этнокультурных групп, вступает в противоречие с диффузным характером внутриличностной и межличностной вовлеченности представителей доминантной культуры и с открытым и толерантным характером американского социума.

В целом, также как и в ингрупповой идентичности американских респондентов, в российской выборке верхние позиции заняты теми «мы»-аспектами, которые предполагают *совершение определенных действий*, связанных с *осознанной* самоидентификацией с этнокультурной группой, а нижние позиции – теми «мы»-аспектами, которые выражают *переживание* личностью самоидентификации с этнокультурной группой. Однако, в целом, средние значения по всем переменным в российской выборке выше соответствующих значений в американской выборке. Если для американских респондентов оценка действий, связанных с самоидентификацией с этнокультурной *ингруппой* характеризуется в среднем ответами «согласен (согласна)» и «затрудняюсь выразить свое отношение», а оценка собственных переживаний в связи с самоидентификацией с этнокультурной группой характеризуется ответами «абсолютно согласен» и «согласен (согласна)», то, применительно к российским респондентам, оценка собственных действий, связанных с самоидентификацией с этнокультурной группой характеризуется в среднем вариантами ответов «затрудняюсь выразить своё отношение» и «не согласен (не согласна)», а оценка переживаний в связи с самоидентификацией с этнокультурной группой характеризуется в среднем вариантами ответов «согласен (согласна)» и «затрудняюсь выразить своё отношение». Мы можем из этого заключить, что среди российских респондентов ингрупповая идентичность более диффузна, а самоидентификация с этнокультурной *ингруппой* проявляется имплицитно слабее, по сравнению с американскими респондентами.

Межкультурное различие между американскими и российскими респондентами заключается в том, что в структуре ингрупповой идентичности российских респондентов фактор «межличностной вовлеченности в ингруппу» вообще никак не связан с переменной «Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе». В самом деле, принадлежность к этнокультурной *ингруппе* воспринимается российскими респондентами настолько естественно, что не вызывает эмоционально-аффективных переживаний – ни ощущения счастья, ни ощущения

несчастья. Это характерное для *индигенной* коллективистской российской культуры явление косвенно свидетельствует о высокой толерантности российских респондентов к этнокультурной принадлежности и о том, что в российской выборке нашего исследования этнокультурная принадлежность не играет роли детерминанты в межличностных отношениях. Этнокультурные группы в России исторически слабо обособлены друг от друга, в отличие от США, где границы между *ин*группами и *аут*группами хотя и нечётки, но вполне различимы и заметны.

Нами выявлены межкультурные различия в приоритетах российских и американских респондентов. *Ин*групповая идентичность российских респондентов более рефлексивна – об этом свидетельствует доминирование в структуре обоих факторов *ин*групповой идентичности россиян переменных, отражающих большую рефлексивность внутриличностной и межличностной вовлеченности в *индигенную* коллективистскую российскую культуру, их созерцательный и пассивный характер. Российские респонденты на внутриличностном уровне вовлеченности «ощущают принадлежность», а на межличностном уровне вовлеченности «часто разговаривают». *Ин*групповая идентичность американских респондентов имеет менее рефлексивный, соответственно, более прагматически ориентированный характер. В результате, в структуре обоих факторов имплицитной групповой идентичности американских респондентов доминируют переменные менее рефлексивные, более прагматически и действенно ориентированные. На внутриличностном уровне вовлеченности американские респонденты «гордятся», а на межличностном уровне вовлеченности «принимают активное участие в организациях и мероприятиях».

В отличие от американской выборки, внутриличностная вовлеченность в *ин*группу в российской выборке сильнее коррелирует с *когнитивными* переменными, а не с *эмоциональными* переменными, как у американских респондентов. Российскими респондентами принадлежность к этнокультурной группе в большей степени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и в меньшей степени сопровождается переживанием эмоций. Можно видеть в этом одно из проявлений большей рефлексивности «я»-концепции российских респондентов.

В *иммигрантской* индивидуалистической американской культуре позитивные эмоции респондентов и позитивное самоотношение по поводу *ин*групповой самоидентификации, а более конкретно – по поводу собственной внутриличностной вовлеченности в *ин*группу, возникают на основе отношений с другими представителями *ин*группы, а не на основе рефлексии о поводу этих отношений. В российской выборке наблюдается обратное явление – позитивные эмоции респондентов и позитивное самоотношение в связи с *ин*групповой самоидентификацией с *ин*группой и от собственной внутриличностной вовлеченности в *ин*группу, возникают именно на основе рефлексии, причем как таковые отношения с другими представителями *ин*группы для российских респондентов малообязательны.

В *индигенной* коллективистской российской культуре данное явление объясняется представлением об этнокультурной *ин*групповой принадлежности как о неизбежной данности, которая, в силу её неизбежности, не требует того,

чтобы её изучать и совершать в отношении неё какие-либо активные действия, либо рефлексировать по её поводу. Российские респонденты воспринимают её именно как данность, но не воспринимают её в качестве побудительного стимула к совершению действий, которые бы её подкрепляли, в отличие от американских респондентов.

В *индигенной* коллективистской российской культуре, в отличие от *иммигрантской* индивидуалистической американской культуры, межличностная вовлеченность в *ингруппу* характеризуется прежде всего рефлексивными переменными, а не переменными, выражающими активно совершаемые действия. Стало быть, правомерно вести речь прежде всего о когнитивной особенности или характеристике этнокультурной идентичности – о том, что Дж. Марсиа и др. [6] называют словом «вовлечённость».

Снова подтверждается идея Л.С. Выготского [2] о возникновении интрапсихического из интерпсихического, но у американских респондентов соответствующие переменные реально доминируют в составе фактора «межличностной вовлеченности в *ингруппу*», тогда как у российских респондентов они отступают перед необходимостью отрефлексировать собственную *ингрупповую* вовлечённость. Совершению активных действий, которыми характеризуется межличностная вовлеченность в *ингруппу* (поддержание культурных традиций, изучение истории, традиций и обычаев этнокультурной *ингруппы*) и позитивное самоощущение, рождаемое этой вовлеченностью, в российской выборке по степени важности уступают необходимости прежде всего отрефлексировать подобную вовлеченность.

Межличностная вовлеченность российских респондентов в этнокультурную *ингруппу* характеризуется слабостью активного участия в организациях и мероприятиях, по сравнению с американскими респондентами, для которых именно активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых – представители своей этнокультурной группы, является основной переменной, образующей фактор «межличностной вовлеченности в *ингруппу*». Здесь следует ещё раз обратить внимание на пассивно-созерцательный характер межличностной вовлеченности в *ингруппу* российских респондентов. Российский респондент, как правило, всю свою жизнь проживает в окружении членов своей этнокультурной группы. Он привыкает к своей межличностной вовлеченности и перестаёт её замечать. Соответственно, он мало склонен испытывать счастье по этому поводу, воспринимая собственную межличностную вовлеченность в *ингруппу* естественной и неизбежной. Степень активности слабо влияет на межличностную вовлеченность российских респондентов, оставляя больше свободы для личного самоопределения и для развития синергетической автономности.

На основании данных по обоим выборкам нашего исследования, мы предполагаем, что представителями *специфических* этнокультурных групп, независимо от степени их доминантности в этнокультурном пространстве социума, собственная культурная и этническая принадлежность воспринимается как явление естественное и само собой разумеющееся, не требующее сознательной рефлексии по

данному поводу, также как *архетип* не требует сознательной рефлексирующей вовлеченности.

Напротив, от представителей недоминантной и/или *неспецифической* этнокультурной группы требуется именно сознательная рефлексия, сознательный выбор или *вовлеченность (commitment)* [7] в то, с какой культурой и этничностью себя имплицитно идентифицировать. Результатом личного сознательного выбора и сознательной *вовлеченности (commitment)* в ингруппу становится уменьшение диффузности данного «мы»-аспекта и более позитивное самоощущение в связи с собственной культурной и этнической принадлежностью, ведущие к формированию сознательно выбранного или *достигнутого* статуса [6] этнокультурной идентичности. Таким образом, предрешенный статус этнокультурной идентичности образует *архетип*, тогда как достигнутый статус этнокультурной идентичности образует *вовлеченность (commitment)*. Это положение представляется нам *этическим (универсальным)*, поскольку оно находит своё подтверждение и в американской *иммигрантской индивидуалистической* культуре и в российской *индигенной коллективистской* культуре.

Российскую выборку нашего исследования характеризуют весьма посредственные показатели степени осознанности групповой этнокультурной принадлежности, равномерно распределяющиеся по *всем* рассмотренным этнокультурным группам. Очевидно, что, в *индигенной коллективистской* культуре, такой, как российская культура, межкультурная дистанция оказывается субъективно короткой, поэтому механизм, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения [10], хотя и не перестаёт действовать, однако, имплицитно не осознаётся.

Доля представителей доминантной культуры, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в доминантную этнокультурную *ингруппу*, близка к умеренно-средней и находится в пределах от 47,2% до 66,3% по различным «мы»-аспектам данного психологического фактора. Среди представителей недоминантных специфических этнокультурных групп, соответствующие доли респондентов оказываются в пределах от 39,1% до 69,5%. Доля респондентов, представляющих недоминантную неспецифическую этнокультурную *ингруппу* россиян потомков смешанных браков, констатировавших собственную внутриличностную вовлеченность в *ингруппу*, варьирует в диапазоне от 37,2% до 62,8% респондентов.

В доминантной этнокультурной группе нижняя граница интервала несколько выше, по сравнению с недоминантными группами, независимо от степени их этнокультурной специфичности. Однако, поскольку во всех группах российской выборки интервал значений фактора внутриличностной вовлеченности характеризуется примерно одинаковыми границами, то мы имеем право уверенно утверждать, что внутриличностная вовлеченность российских респондентов в *ингруппу* является стабильной и весьма неопределенной.

Несколько изменяются границы интервалов, когда мы переходим к анализу данных по фактору межличностной вовлеченности. Среди представителей доминантной культуры разброс значений по различным «мы»-аспектам данного

психологического фактора находится в пределах от 28,1% до 75,2%. Интервал значений «мы»-аспектов фактора межличностной вовлеченности представителей недоминантных специфических этнокультурных групп характеризуется показателями от 30,4% до 69,5%. Межличностная вовлеченность респондентов, представляющих недоминантную неспецифическую этнокультурную группу, характеризуется диапазоном значений от 21,0% до 74,7%.

Наибольший разрыв между нижней и верхней границами интервала отмечается в недоминантной неспецифической этнокультурной группе, а также в доминантной этнокультурной группе. Очевидно, что здесь межличностная вовлеченность в этнокультурную *ин*группу весьма диффузна и дисперсна, имеет нестабильный характер. В недоминантных специфических этнокультурных группах межличностная вовлеченность в этнокультурную *ин*группу более осознанна и менее диффузна.

Мы можем обоснованно утверждать, что современное российское общество и этнокультурная идентичность россиян имплицитно характеризуются весьма умеренным уровнем внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,436) и еще более умеренным уровнем межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,8154).

Эти значения примерно равны соответствующим американским показателям, межкультурные различия по ним несущественны. Однако, этнокультурная атомизация и индивидуализация, приемлемые в *индивидуалистической иммигрантской* культуре, способны порождать напряженности в культуре другого типа – *индигенной и коллективистской*. В российской культуре нами не выявлено активного процесса межкультурного межгруппового сравнения по причине имплицитно короткой межкультурной дистанции, в отличие от американской культуры. Но, для более полной этнокультурной гармонизации российского социума, на наш взгляд, необходимо, чтобы осуществление структурной модернизации в России учитывало тысячелетние российские этнокультурные особенности. Иными словами, стабильно-диффузная внутриличностная и межличностная вовлеченность, характерная для российских этнокультурных групп, не должна вступать в противоречие с усилиями по трансформации исконно коллективистской российской культуры.

Литература

1. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 5–18.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Педагогика, 1983.
3. Atkinson D. R., Morten G., Sue D. W. Counseling American Minorities: A Cross-Cultural Perspective. Dubuque, Iowa: Wm. C. Brown Publishers, 1979.
4. Berry J. Psychology of Acculturation. // Nebraska Symposium on Motivation: Cross-cultural perspectives. Lincoln: University of Nebraska Press, 1990.
5. Berry J. W. Ethnic Identity in Plural Societies. // Ethnic Identity: Formation and Transmission among Hispanics and Other Minorities. New York: State University of New York Press, 1993.

6. Marcia J.E. et al. *Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research*. New York: Springer-Verlag, 1993.
7. Matteson D. R. *Alienation vs. Exploration and Commitment: Personality and Family Correlaries of Adolescent Identity Statuses: Rapport fra Projekt for Ungdomsforskning*. København: Projekt for Ungdomsforskning, 1974.
8. Shotter J. *Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind*. Toronto: University of Toronto Press, 1993.
9. Tajfel H. *Social Categorization*. English MS. of *La Catégorisation Sociale // Introduction à la Psychologie Sociale*, Vol. I. Paris: Larousse, 1972.
10. Tajfel H. *Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. *European Monographs in Social Psychology*, No. 14. London: Academic Press, 1978.
11. Tajfel H. *Human Groups and Social Categories*. *Studies in Social Psychology*. Cambridge University Press: Cambridge, 1981.